

Генеалогия советской культуры

Культура – это то, чему человек воспитан. Человеком не рождаются, а становятся. Как природное существо, он незавершен и существенно уступает животным по уровню адаптации к окружающей среде. Эта незавершенность и неприспособленность к определенной среде обитания делает возможным культурогенез. Как же осуществляется производство человека в культуре. Как философы, мы верим в том, что на человека воздействуют добрые моральные наставления, истинные речи, информация, а также эстетические и иные ценности, которые вырывают нас из круга повседневного существования и делают жителями, так сказать, небесного царства, где исполняются возвышенные ценности. Но на самом деле речи и книги, и даже произведения искусства не так уж эффективны. Возможность не только переживать, уговаривать себя, но и действовать, осуществлять свои намерения предполагает иные способности. Прежде всего – это привычки, навыки и умения. Они являются продуктом специфических телесных практик воспитания, которые, к сожалению, постепенно утрачиваются. Человека делает человеком, прежде всего, территория, на которой он проживает. Наша земля, ее географические и символические границы и ландшафты, определяют наши техники обитания в них. Мы приспособлены к своим лесам, полям, рекам и морям экономически, климатически и символически. Русский характер, как уверял Д.С. Лихачев во многом продукт равнин. Другой человеческой машиной является дом. Человек существо оседлое и домашнее. Пространство дома защищает нас от холода и других невзгод и опасностей. Оно же формирует наши способности терпеть и ждать, гостеприимство и иные добродетели.

В эпоху высоких культур возникают сложные социальные институты, в рамках которых также происходит производство человеческих качеств и способностей, необходимых для существования государства. Насколько человеческими являются эти машины – сложный вопрос. Мы все время говорим о необходимости их гуманизации, однако продуктом этой борьбы нередко оказываются еще более репрессивные машины.

Например, что такое современная семья? Иные считают ее первичной теплицей, в которой человек формируется как баловень судьбы, окруженный заботой и лаской. Другие, напротив считают ее уродующей человека машиной. Семья – ячейка общества, и отец является воплощением закона. Недаром послушность родителям традиционно считается главным качеством молодого человека. Если он не почитает родителей, он не любит ни своего начальника, ни контору, где он будет работать. Государство часто позиционируется как родина или отечество. Тут кроется двойной смысл. Во-первых, человек должен любить и защищать страну, как стены своего жилища. Во-вторых, хорошее государство

– это такое, под сенью которого человек чувствует себя как дома. Отсюда правы, как те, кто разоблачает государства нечеловеческое лицо, так и те, кто пытается его гуманизировать.

Если человек и даже целый народ не любит себя, стыдится настоящего, воспринимает историю как «ужасную», то он боится и ненавидит другого. В этой связи можно указать на непосредственную связь политики очернения прошлого, как с депрессией населения, так и вспышками насилия и жестокости, которого в таком масштабе мы не знали раньше. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов и таких объективных факторов, как слабость страны и появление агрессивных соседей. Хорошим терапевтическим средством против стресса чужого всегда была культура, которую в данном аспекте можно определить как символическую иммунную систему, обеспечивающую идентичность. Распад старого порядка не ограничился развалом страны, он затронул и советскую культуру, которая была объявлена «совковой» и приговорена к уничтожению. Экраны ТВ наводнили не только новые идеи, но и соблазнительные образы, а также душераздирающие звуки, уводящие людей, как пение сирен, туда, откуда не возвращаются. Насколько разрушительным оказалось влияние на самосознание россиян западной массовой культуры – это отдельный и особый вопрос. Удивительно другое, а именно – стихийное возвращение прежней культуры. Объевшаяся чужой пищей масса, обращается к традиционным образам и мелодиям, которые сложились на основе прошлой истории. Кого-то это радует, а кого-то пугает. Но хочется предостеречь от поспешных политических выводов. На самом деле, советская культура не сводится к тоталитарной идеологии. Она представляет собой весьма сложное образование, в котором отложились элементы традиционной, языческой, народной, интеллигентской, христианской, сельской, городской, пролетарской и массовой культуры. Собственно, рассмотрению генезиса советской культуры и посвящена предлагаемая статья. Ее возвращение не следует расценивать как реванш старой идеологии. Поскольку в ней были аккумулированы важнейшие ценности, сложившиеся в процессе длительного исторического развития России, постольку она является формой исторической памяти, благодаря которой каждый человек ощущает себя частью целого и обретает уверенность в себе.

Дореволюционная городская культура.

В начале XX века в Петербурге существовало 25 музеев, 10 театров, 47 газет 362 журнала. Если учесть концерты, театры, выставки, то можно сказать, что на этой основе создавалась новая общность, называемая публикой. В этой среде с довольно высокой скоростью циркулировали не только культурные образцы, но и разнообразные новости и слухи. Важным для публики является феномен народного участия. Социальную базу городской культуры составляли мещане, чиновники, офицеры. Наоборот, современная массовая культура отличается тем, что закрепляет одиночество. Если раньше некоторые известия вызывали бурю восторга или взрыв негодования, то сегодня человек является безучастным зрителем самых ужасных событий.

В рамках городской культуры складывались элементы того, что сегодня теоретики называют массовой культурой: жадность к развлечениям. Распространение массовой культуры в городах не знает границ. Её основу первоначально составляло чтиво – крошка из ошеломляющих новостей, экстравагантных теорий, записок путешественников, описаний частной жизни. Примером мозаичности культурного резонанса может служить журнал "Нива", где было все – от рецептов и советов до сообщений о театральной жизни Парижа и этнографических очерков. Точно также складывается феномен моды. Причем не только в одежде. В начале XX в. горожане увлекались эсперанто, вегетарианством, гимнастикой Мюллера, дыхательными упражнениями Платена, спиритуализмом и месмеризмом. Появилась мода на декадентскую литературу. Поэты вроде Сологуба совершают турне и проводят поэтические вечера. Зажглись звезды эстрады и появились поклонники, формировалась богема.

В конце века появились частные издательства, которые специализировались на эротике и чувственности. Кумиры революционной прозы остались в прошлом. Можно говорить о сексуальной революции в литературе. Золя переводили еще в годы расцвета цензуры. Появились новые знаменитости: Арцыбашев, Ауслендер, Чарская, Вербицкая, которые поднимали проблему пола. Контрацептивов еще не было, зато кокаин в то время продавался в аптеках.

После реформы общество стало меняться. Праздный класс начал исчезать. Люди работали и отдыхали. Они желали литературы, которую можно почитать перед сном, чтобы снять стресс, отвлечься. Требовалась терапевтическая, компенсаторная культура. Один из обозревателей "Русской мысли" писал, что нужна литература для забавы и развлечений, литература успокаивающая, уносящая в мир грез, а не раздражающая, реалистическая. Поскольку Европа уже не удивляла, культивировалась «американская мечта». В России много переводили Ф. Купера, М. Рида, М. Твена. В 1890 в Петербурге даже была организована выставка быта и нравов североамериканских индейцев.

Искусство и революция: борьба с мещанством.

Начало дискуссий о пролетарской литературе относится к 1913 -1914 г.г. Исторической миссии пролетариата не соответствует обывательский образ жизни и культура развлечений. Этим объясняется борьба с мещанством. Его критику, начатую Герценом и продолженную Ивановым Разумником, поддержал Плеханов. Что может предложить социализм вместо мещанства? Пролетариат должен победить буржуазию не только экономически, но и духовно. Для этого необходим союз рабочих и интеллигенции. Эти предреволюционные дискуссии повлияли на дальнейшую культурную политику большевиков. Они организовали участие рабочих в культурном строительстве, ими была начата трансформация быта и семьи, половой морали.

Антимещанская установка сложилась у идеологов раннего социализма времен Чернышевского. Художественный авангард также пытался разрушить потребительский подход к произведениям искусства. Критика буржуазного общества была подхвачена большевиками. Они не имели теории культурной

политики. Однако четко проводили классовый подход. Практически были реализованы две установки, характерные для российской интеллигенции: всеобщее образование и борьба с обывательской, мещанской культурой. Отсюда идеологизация сочеталась с поддержкой авангардистского искусства.

Накануне революции интеллигенция резко протестовала против индивидуализма и торгашества. Среди марксистов Богданов (пролетарская культура) и Луначарский (богостроительство) пытались подвести теорию под новую культурную политику. Она опиралась на отказ от индивидуализма в пользу трудового коллективизма. Ленин различал буржуазную и социалистическую культуры, считая классовый подход к культуре вульгарным. Вообще говоря, классовый подход был воспринят большинством российских интеллектуалов. Кадеты представители крупной буржуазии, анархисты – мелкой, социал-демократы считали своей опорой пролетариат. Существовал он реально, как четвертое сословие или был чисто бумажным классом?

Да, рабочие были и есть, но не все осознают себя как пролетариат. Если подойти к рабочему человеку и спросить, чего он хочет в жизни, то, вероятнее всего, можно услышать требование хорошей оплаты и облегчения условий труда. Каким же образом большевики могли убедить людей в необходимости того, что Маркс называл «исторической миссией рабочего класса»: освободить себя и весь мир? Процесс формирования рабочего класса и был главной целью коммунистов, о которой они вскоре забыли, увлекшись бюрократическими играми. Превращение «класса в себе» в реальный класс не ограничивается идеологической работой. Естественно, что для этого потребовалась сила искусства. Концепция пролетарского искусства была подготовлена спорами о соотношении искусства для искусства с утилитарным искусством. Еще Чернышевский и Писарев предлагали отказаться от красоты ради пользы. Но под «пользой» большевики, естественно, понимали общественное назначение искусства.

Какова же была на самом деле культура рабочих? Они уже не пели старинных песен и не вели хороводов. Они стали потребителями коммерческой развлекательной индустрии.

Очевидно, что культура рабочих была низкой. Поэтому первая задача послереволюционной культурной политики – организация процесса образования рабочих. Естественно, пришлось пойти ускоренным путем. Были открыты школы рабочей молодежи и даже коммунистические академии и институты красной профессуры, где за несколько лет, а то и месяцев подготавливали кадры высшей квалификации. Как научные учреждения они были, конечно, неэффективны, и в лучшем случае готовили неплохих организаторов.

Подготовка новых деятелей культуры была возложена на культпросвет. Пролетарские писатели и поэты были участниками разного рода кружков и клубов. Группа «Пролетарская культура» была организована Богдановым в 1913, а в 1917 был учрежден «Пролеткульт». Стимулировать массовое действие, коллективное творчество, осуществить единство народа и искусства, добиться проникновения культуры в быт – таковы задачи этого союза.

Пролетариат должен немедленно создать для себя социалистические формы быта, чувственности, ментальности. Но уже в 1919 г. Ленин критиковал узкоклассовый подход пролеткультовцев. В 1922 партия открыла дискуссию о пролетарской культуре. После этого как грибы после дождя начали расти организации пролетарских писателей, художников, музыкантов, актеров.

Любое революционное правительство, после того, как народ сделал свое дело, озабочено тем, чтобы вернуть его в организованное русло. Еще во время Великой французской революции для этого использовались шествия и митинги. В дополнение к речам революционный художник Давид создал убедительный образ Марианны – юной республики-матери, которая своей открытой грудью символизировала братское единство ее сыновей.

И в Петрограде после революции необходимо было организовать народ для мирной трудовой жизни. Капитализм придумал для масс новую форму власти: индивидуализм и культуры развлечений. Большевики противопоставили этому идею нового человека-коллективиста. Романтик Луначарский мечтал о всесторонне развитой личности, опирающейся на культурное наследие прошлого. Но воплотить его идею было решительно невозможно, так как сил малочисленной культурной интеллигенции для этого было недостаточно. Побеждала мещанская культура. Борьба с нею приняла радикальные формы.

Пролеткульт развернул деятельность по созданию бесчисленных молодежных ячеек, где соединялись агитация и творчество. Ортега писал о "вторжении варваров в культуру". Скорее всего, он имел в виду ориентированную на потребление массовую культуру. Пролеткульт это нечто иное, напоминающее, скорее, проект Вагнера-Ницше. Замысел состоял в том, чтобы изменить человека. Политическая революция освободила массы, теперь встала задача изменить человека. Этот ранний проект был по-своему интересным. Большевики уже не ограничивались агитацией. Разного рода кружки и клубы должны были связать, точнее, канализировать энергию масс в направлении культурного творчества. Эта культурная революция была эффективной, пока не попала под бюрократический и идеологический пресс. Огромная часть молодежи предпочла образование и творчество скуке жизни и бытовому пьянству. Светлые лица рабочих на картинах той поры это не маска, а точное отражение одухотворенности людей, которые работали и верили, что строят светлое будущее.

Загадочен симбиоз авангардного искусства и революции. Хотя они дополняют друг друга. Авангард выступил против буржуазной культуры, где продукты культуры считаются продуктами производства и оцениваются по количеству вложенного в них труда а не по мифической сопричастности художника с божественным миром, населенным образцами Истины, Добра и Красоты. Но в отличие от классики, которая как раз ссылается на высшие, божественные ценности и образцы и потому не приемлет оценку произведения искусства по степени даваемого им зрителю наслаждения, авангард разрушает искусство вообще как таковое. То, что предлагается взамен прекрасного предмета, это нечто неэстетическое, скорее раздражающее, чем успокаивающее

человека. Искусство становится революционным. Оно меняет его способ видеть, описывать и понимать мир. Неудивительно, что оно ищет поддержки у революционеров, которые также интуитивно чувствуют, что дело не ограничивается борьбой классов. Враг сидит внутри каждого из нас. Поэтому необходимо радикально переделать человека. Даже старые большевики настолько обуржуазились, пока жили при старом порядке, что тоже нуждаются перевоспитании. Меры, принимаемые для этого, по мере осознания трудностей становятся все более жесткими, и дело доходит до того, что революция начинает пожирать своих детей.

Эпоха нэпа.

Нэп часто идеализируют. Якобы за сутки магазины преобразились. Дальнейшее напоминает наши 90-е годы. Ларьки, торговцы, реклама. Не ясно, могли ли покупать обычные люди то, что было на прилавках. Ясно, что обычные люди, включая интеллигенцию, ненавидели нэпманов. Скорее всего, в «Собачьем сердце» критикуются именно «новые русские». Не ясно, насколько эффективным оказался нэп для тяжелой промышленности. Эти вопросы мы и сегодня не задаем. Как не задаются москвичи вопросом о том, как живут за пределами МКАД.

Вероятно, нельзя отрицать, что нэп стимулировал развитие эстрадной культуры и развлекательной литературы. Это повергло мэтров в уныние. Наиболее интересно обратить внимание на поведение молодежи, которая отвергла западные образцы и осталась верной традициям пролеткульта. Мещанская культура отторгалась молодежью как пошлая и низкопробная. Как удалось за короткое время воспитать коммунистическую молодежь. Вряд ли это сделала школа, ведь учителя то остались прежние.

Нельзя отрицать, что, как и модерн, нэп дал стимул развитию повседневной культуры в России. После него уже не возможен отказ от комфорта. Аскетизм уступил место уважению к достатку. Хотя период нэпа закончился, государство уже не могло кормить граждан идеями и утопиями. За работу пришлось платить деньги и обеспечивать их товарами и услугами. Конечно, наше государство отличается тем, что влезает повсюду и часть благ распределяет в зависимости от степени лояльности граждан. Экономика была подчинена идеологии. Но сегодня мы видим, что без «руководящей и направляющей», экономика тоже работает не так, как нужно человеку.

Компромисс власти и народа.

Особенности развития социалистической культуры во многом определялись соотношением города и деревни. Темпы урбанизации были весьма высокими 1928 - 29 мл. 1940 - 65 мл.. Город порождает культуру потребления, которая подчиняет всех, независимо от убеждений.. Развитие легкой промышленности, строительство жилья сопровождалось реабилитацией быта. Отсюда консьюмеризм – потребность в мебели, одежде, развлечениях. Таким образом, можно говорить о консерватизме, пришедшем на смену авангарду и эксперименту. Но поразительным образом востребованной оказалась не кафешантанная, а деревенская или народная культура. В. Беньямин в «Московском дневнике» отмечает две тенденции. С одной стороны,

он фиксирует аскетическую обстановку жилищ и офисов, торопливость и усталость жителей. С другой стороны, фиксирует зарождающееся внимание к благоустройству жизни и даже, как всякий левый интеллеktуал, высказывает опасения по поводу возвращения мещанской культуры. И еще одна любопытная деталь. На торговых прилавках он видит множество изделий народных промыслов и, покоренный их прелестью, становится коллекционером.

Другим фактором формирования советской культуры было всеобщее образование. К 1939 в городах 90% имели начальное образование. Правда, на селе неграмотных было больше половины. Думается, что причина популярности фильмов типа «Свинарка и пастух» в том, что в городах проживали люди, которые выросли в деревне. Думается – это был барьер тоталитаризму. Поэтому неправы те, кто смешивают советскую и тоталитарную культуру. На Западе милитаризм вызвал ответную реакцию массовой культуры в форме пацифизма и сентиментальности. Накануне войны вся Европа танцевала танго. У нас стресс войны снимался комедией и сатирой. В этом проявилась терапевтическая функция социалистической культуры.

Если в 20 годы соединяется кажущееся не соединимым – авангард и традиционная культура, идеология и коммерция, то в 30-е годы звучат лозунги о классовой бдительности, ликвидации беспартийного искусства. Эстафета интеллигентской ненависти к мещанской культуре была принята в сталинскую эпоху. Составлен негласный индекс запрещенных книг, дополняющий репертуарный указатель и ББК. В него кроме антисоветской литературы попали бульварщина, обывательщина, упадничество, эротика и др. Эстрада держалась дольше других. Фронтальный натиск на нее завершился созданием комиссий по отбору репертуара. Легкие жанры предполагали ироническую дистанцию ко всему, в том числе и к идеологии. Трагедия Зощенко, по его словам, состояла в том, что он не умел мыслить политическими лозунгами. Зато процветала политическая сатира. Реабилитация лирики и мелодрамы произошла в эпоху «оттепели», когда суровые героические песни военных лет сменились романтикой комсомольских строек.

Еще один ключ к отгадке тайны советской культуры – это противоречивость задачи, стоящей перед партией: с одной стороны, стремление сделать искусство формой реализации идеологической работы; с другой получить прибыль для развития тяжелой промышленности. Действительно, легкое искусство было доходной частью бюджета. Тут работали критерии таланта исполнителя и успеха у публики. Идеологические ограничения были самыми общими. Можно сказать, что у нас сложилась индустрия и рынок искусства. Это объясняет, как быстро наши деятели перешли на коммерческий путь особенно в сфере шоубизнеса.

В заключение следует поставить принципиальный вопрос, была советская культура тоталитарной или массовой. Думается, что неверно их отождествлять. Л.Карпинский утверждал, что сталинизм создал массовую культуру бюрократического типа, которая еще хуже западной. На самом деле массовая и тоталитарная культуры скорее альтернативны, чем тождественны. В.Г.

Лебедева различает культуру масс, культуру для масс и массовую культуру [1, с. 242 – 243]. Массовая культура следует за вкусами потребителя. «Низкие» жанры, может быть не слишком возвышенны, зато ненасильственны, соразмерны человеку. Тоталитарная культура связана с радикальным преобразованием повседневности. Она ориентирует не на частную жизнь, а на труд, образование, спорт, оборону, словом на все, что способствует усилению государства. Советское государство контролировало производство культуры для масс. Однако цензура была скорее формальной, чем тотальной. Как говорил Сартр, без цензуры нет литературы. Много говорилось между строк. Поэтому многие шедевры советской культуры, например, фильм «Зеркало», современная молодежь не в силах понять. Утрата герменевтики чтения литературного текста и приводит к выводу об упрощенности советской культуры.

Думается, что для понимания специфики советской культуры следует воспользоваться не только новыми, но и старыми понятиями народной и официальной культуры. Именно их игра и была основой жизнеспособности советской культуры. Народная культура неустранима. Власть и реклама могут ее использовать и перекодировать. Поэтому аналитика культуры должна сосредоточить внимание на выявлении и описании архетипов народной культуры, которые лежат в основе сознания человека выросшего в России. К звукам и образам, которые окружали нас в детстве, мы особенно доверчивы. Но впитанные с молоком матери культурные коды могут быть переприсвоены не только искусством, которое создает на их основе прекрасные произведения, но и идеологией, которая использует их в качестве первичной означающей системы для распространения политических символов.

Литература:

1. Лебедева В. Г. Судьбы массовой культуры в России. СПбГУ., 2007.